

Стоило Пу Яочжи прийти к этому умозаключению, как от давившего на душу уныния не осталось и следа: тучи рассеялись, и настроение снова стало светлым.

На следующий день начались ежемесячные экзамены, растянувшиеся на три дня, а на четвёртый настал черед результатов. Имя Гун Чэня, как и следовало ожидать, красовалось на самом верху общешкольного рейтинга.

Сам же Яочжи плёлся в самом хвосте класса. С такими баллами не будет преувеличением сказать, что он со свистом тянул общее среднее значение на самое дно.

На первом уроке классный руководитель, сияя от гордости, объявлял баллы Гун Чэня и его безоговорочное первое место в параллели. Однако едва с триумфальным списком было покончено, лицо учителя омрачилось: пришла пора зачитать результаты Пу Яочжи.

Закончив, классный руководитель со вздохом сочувствия и досады посмотрел на ученика:

— Пу Яочжи... Твой сосед по парте — лучший ученик школы. Как же так вышло? Конечно, беты объективно уступают альфам в гибкости ума, но ведь среди всех бет нашего класса твой результат — самый низкий.

Яочжи сгорел бы от стыда прямо на месте, будь его воля. Он уткнулся взглядом в столешницу, чувствуя, как от обиды и неловкости щиплет глаза.

Учитель лишь тяжело вздохнул:

— Раз уж ты бета, тебе приходится стараться вдвое больше остальных! Запомни эти баллы и в следующий раз выложись по полной.

— Да, учитель, я понял... — послушно пробормотал Яочжи.

Огласив результаты остальных учеников, классный руководитель велел раздать проверенные работы.

Когда перед Пу Яочжи опустился его бланк, он едва успел протянуть руку, чтобы разобрать ошибки, как со сносной ловкостью работу перехватил Гун Чэнь.

Тот бегло пробежался взглядом по исправленным красными чернилами ответам на лицевой стороне. Нахмурился.

Перевернул страницу.

Чем дальше Гун Чэнь читал, тем сильнее искажались черты его лица. Наконец, сокрушённо сведя брови к переносице, он выцедил с явным изумлением:

— Как ты вообще додумался до таких ответов?

Даже пиши он наугад с закрытыми глазами, подобная дичь вряд ли родилась бы в его голове.

Яочжи не посмел возразить и лишь виновато закрутил пальцем по парте.

Гун Чэнь раздражённо цыкнул и, не говоря ни слова, пододвинул к нему собственный идеальный бланк.

Яочжи недоумённо вскинул голову:

—...?

— Сравни ход решения, — нетерпеливо бросил Гун Чэнь.

До Пу Яочжи только сейчас дошло. Взяв работу соседа, он въедливо принялся изучать её.

"А у Гун Чэня потрясающий почерк..." — была его первая мысль.

"Так вот как, оказывается, решаются эти задания!" — следом удивился он.

"Ни черта... не понятно", — пришло финальное осознание.

Гун Чэнь обождал немного и с мрачной миной поинтересовался:

— Разобрался?

Яочжи втянул голову в плечи и едва слышно прошелестел:

— Посмотреть-то посмотрел... а вот понять не понял.

Гун Чэнь онемел. На его лбу вздулась височная жилка. Подавив вспышку раздражения, он выжал из себя:

— Что именно тебе непонятно?

Заметив, как темнеет лицо соседа, Яочжи лишь смущённо и нервно ухмыльнулся, не решаясь открыть рот.

Гун Чэнь всё понял без слов:

— Вообще ни одного задания?

Голова Яочжи опустилась ещё ниже.

— Ну... да, — едва различимо промямлил он.

Гун Чэнь бесстрастно прикрыл ладонью лицо и потёр заломившие виски. Наступила короткая пауза, после чего он сухо произнёс:

— Тебе надо сменить фамилию.

Пу Яочжи хлопал глазами, окончательно сбитый с толку.

— А? — поджав губы, переспросил он. — И на какую же?

Гун Чэнь отчеканил:

— На Дурак.

Смысл подколки дошёл сразу. Насупившись, Яочжи возобновил своё занятие — молча вычерчивать круги по столешнице.

Гун Чэнь ещё раз размял виски, тяжело, но безвыходно вздохнул, забрал свой бланк и принялся пошагово объяснять ход решения:

— Смотри, здесь...

Он терпеливо разжёвывал материал до самого звонка. За весь прошедший месяц учёбы Яочжи ни разу не слышал от него столь длинных речей. Не смея упустить ни единого слова, бета с абсолютной серьёзностью впитывал объяснения и усердно конспектировал.

Каждый раз, когда Яочжи упирался в слепую зону, он боялся признаться, что упустил нить размышлений. Однако Гун Чэнь будто читал его мысли: одного скользящего взгляда альфе

хватало, чтобы распознать замешательство на лице соседа. И пусть на лбу у Гун Чэня буквально было написано отвращение к людской глупости, он без лишних слов разбивал сухую теорию на ещё более простые и наглядные составляющие, разжёвывая суть заново.

Лишь тогда до Яочжи наконец доходило.

Икающий от восторга бета поражался гениальности соседа, неохватной для его собственного ума, и одновременно радовался. Радовался, что не сдурил и не порвал с ним отношения. Дружить с Гун Чэнем было просто восхитительно!

Вторым уроком шла математика.

Когда на стол легли бланки, результаты Пу Яочжи оказались ещё более плачевными. Взглянув на абсурдные ошибки и зияющие пустотой поля в блоке с развёрнутыми ответами, он виновато спрятал глаза.

Гун Чэнь созерцал этот разгром в глубоком молчании. Долго, невероятно долго. После чего с обречённым терпением вновь приступил к разбору.

Сорок минут пролетели как один миг. На перемене оба остались за партой, увлечённо разбирая каждую пометку.

Именно за этим занятием их и застал Хуай Ши.

С мягкой улыбкой войдя в класс, омега бросил взгляд на парту Яочжи и замер как вкопанный: Гун Чэнь склонился над чужой работой и без тени привычной агрессии разъяснял нерадивому соседу правила.

Хуай Ши едва сдержал проступившее на лице изумление. Пусть за прошедший месяц их собственные отношения с Гун Чэнем так и не вышли из стадии прохладной вежливости, омега успел изучить его характер досконально.

И уж кем-кем, а альтруистом или отзывчивым репетитором Гун Чэнь точно никогда не был.

Проглотив шок, омега натянул привычную безупречную мину и плавной походкой приблизился к парте:

— Поздравляю с первым местом на экзаменах, Гун Чэнь, — с милой улыбкой пропел он.

Как и всегда, ответной реакции не последовало. Гун Чэнь даже взгляда не удостоил появившегося гостя. Впрочем, Хуай Ши уже привык к подобному холоду и ничуть не огорчился.

Отдав дань вежливости, он перевёл взгляд на Пу Яочжи:

— А у тебя как успехи, Яочжи?

Услышав вопрос о баллах, Яочжи стыдливо опустил голову и досадно заскрёб ногтем по краю стола:

— Не слишком... — буркнул он под нос.

Хуай Ши несколько не удивился. Он и не думал выпрашивать конкретные цифры у туповатого беты — сейчас его интересовало совсем иное.

Омега с наигранным удивлением уставился на исписанный блокнот и разложенный тест перед бетой:

— Гун Чэнь что... занимается с тобой?

Яочжи лишь смущённо улыбнулся и неловко кивнул.

В глазах Хуай Ши промелькнула гамма смешанных чувств. Он и помыслить не мог, что альфа способен проявить к кому-то подобное милосердие.

Подавив укол досады, омега с наигранной лёгкостью обратился к Гун Чэню:

— Знаешь, я как раз бился над парой сложных заданий. Не сможешь и мне разобрать решения?

Гун Чэнь даже головы не поднял:

— Нет.

Улыбка на лице Хуай Ши мгновенно застыла.

—... Почему? — выцедил он с ощутимым усилием.

Почему какому-то низшему бете он разжёвывает материал, а ему отказывает?! Он ведь высший

омега! Неужели Гун Чэнь не чувствует его феромонов?! Насыщенный, безупречный аромат высшего омеги!

Если рядом с Пу Яочжи Гун Чэнь всего лишь демонстрировал нетерпение, то с Хуай Ши он общался с откровенно нескрываемым отвращением.

Не намереваясь вступать в бессмысленные пререкания, альфа отрезал:

— Без причин.

С лица омеги окончательно сошла фальшивая приветливость. Атмосфера возле парты сделалась натянутой до предела.

Пу Яочжи, зажатый между двумя огнями, переводил испуганный взгляд с застывшего Хуай Ши на хмурого Гун Чэня, совершенно не понимая, как разрядить обстановку.

Помявшись немного, бета поджал губы и попытался сгладить углы:

— Ши-Ши, давай я... я закончу конспект и отдам его тебе переписать?

— Не нужно! — резко и грубо оборвал его Хуай Ши.

На кой черт ему сдалась подачка от какого-то низшего беты?! Кем он вообще себя возомнил?! Высший омега, наследник клана Хуай! И какой-то низший бета смеет его жалеть?! Да как у него только ума хватило такое ляпнуть?!

Сколько они были знакомы, Хуай Ши всегда оставался воплощением мягкости и чуткости, изливая речи ласковым, шелковистым голосом. Пу Яочжи в жизни не слышал от него подобного тона.

От неожиданности бета даже вздрогнул. Перепугавшись до полусмерти и решив, что ляпнул нечто непростительное, он тут же принялся сумбурно заглаживать вину:

— Извини, Ши-Ши! Я не хотел... я просто...

— Пу Яочжи, заткнись, — безэмоционально перебил его Гун Чэнь.

Яочжи мгновенно проглотил слова.

Лишь теперь альфа удосужился вскинуть взгляд на Хуай Ши. В его глазах читалось ледяное отчуждение:

— Раз вопросов больше нет, исчезни с глаз моих. Мне ещё надо вдалбливать материал одному бестолковому болвану.

Слово «болван» звучало довольно обидно. Но на фоне того разящего ледяного презрения, с каким Гун Чэнь отбрил омегу, эта грубость в адрес Пу Яочжи прозвучала чуть ли не как ласковое прозвище.

Хуай Ши сжал зубы так, что желваки заходили ходуном. Натянув вымученную ухмылку, он выцедил Пу Яочжи сухое «я пойду» и резко развернулся на каблуках.

Яочжи проводил его растерянным взглядом, так и не решившись окликнуть.

"Ши-Ши, кажется, расстроился..."

Сидевший рядом Гун Чэнь с недовольной миной стукнул ручкой по столу:

— Пу Яочжи, вернись в реальность.

Тот вздрогнул, мгновенно приходя в себя.

— Все задания усвоил? — с каменным лицом уточнил альфа.

Яочжи виновато усмехнулся и качнул головой. После чего кротко взялся за ручку.

<http://bllate.org/book/20413/2130741>